

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ВОСПРИЯТИИ ЭМИГРАЦИИ

УРЯДОВА А. В.,

профессор Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова,
доктор исторических наук
(Ярославль)

Начать рассмотрение восприятия эмиграцией проблем государственности и государственного строительства Советской России необходимо с Конституции 1918 г., несмотря на то, что ее выход остался практически незамеченным оппозицией. О ней эмигранты стали писать, используя ее в качестве фона для сравнения с Конституцией 1924 г. Такое сравнение проводят, например, Н.Н. Алексеев и Д.М. Горбачевич (псевдоним Минский Мужик). Для первого Конституция 1918 г. знаменовала первый этап большевистской диктатуры (не пролетариата, а над пролетариатом), формирование новой бюрократии назначенцев.

Он отмечал ее соответствие всем завоеваниям февральской революции, но в то же время формальный характер и абсолютное несоблюдение в жизни: централизм, уничтожение в народе всего самостоятельного, творческого, роспуск большинства небольшевистских объединений, тотальный контроль над оставшимися, замена социализации земли национализацией, рабочего контроля в промышленности – контролем назначенцев, превращением милиции в армию, попрание права наций на самоопределение (пример – разгром независимой Грузии), уничтожение автономии Советов и т.д. По мнению Горбачевича, вторая Конституция только закрепила завоевания светской бюрократии, предоставив ей права дальнейшего продвижения по пути диктатуры, результатом чего явились «столыпинская деревня» (хутора) и полный контроль чиновничьей бюрократии над государственной индустрией. Главное, что от-

мечал автор, анализируя советское законодательство, это его декларативность и несоблюдение на практике, уничтожение инициативы на местах⁷⁰.

Советское государственное устройство явилось предметом дискуссии П.Н. Милюкова и П.Б. Струве в 1925 г. Первый считал, что современная Россия – республика, второй, опираясь на точку зрения П.П. Гронского, доказывавшего, что СССР вообще не является государством, отрицал это⁷¹.

Внимание советской государственной системе было уделено и на Зарубежном Съезде 1926 г. Так, в докладе В.П. Носовича, называвшемся «Общая характеристика советских декретов»,

⁷⁰ См.: Алексеев Н.Н. Советский федерализм. [Б. м.: б. и., б. г.]; Минский Мужик. Правда о Советской России (по личным наблюдениям и материалам советской печати и статистики). Н.Й. 1937.

⁷¹ Возрождение. 1925. 21 июня.

говорилось о том, что они дают ложное представление о советском строе как обеспечивающем неприкосновенность прав населения, самостоятельности законодательных, судебных и административных органов власти⁷². Носович делал вывод, что правовая и экономическая задача большевиков – разрушение всех учреждений и институтов, лежащих в основании правовых государств, и, прежде всего, религии, собственности и семьи.

До начала 1920-х большее внимание уделялось самому государственному строительству. Эмиграция констатировала разгром государственного и административного аппаратов, системы судопроизводства, неопределенность и неразграниченность функций власти, отсутствие законодательного аппарата, обеспечивающего устойчивость, наличие законодательного аппарата в форме примитивной деспотии в годы военного коммунизма⁷³.

Наибольшее недовольство со стороны эмиграции вызывала диктатура коммунистической партии, всевластие ЦК, которые подменяли деятельность государственных органов. П.Н. Милюков уже тогда писал, что существует некое ядро партии, которое фактически неограниченно управляет и ей самой, и через нее – всей Россией⁷⁴.

Начало 1920-х некоторые эмигранты называли годами «механической постройки советского государства», при которой установилась диктатура не

пролетариата, а коммунистов⁷⁵. К концу 1920-х Ст. Иванович в книге «10 лет коммунистической монополии» отмечал, что партия не уничтожила государственную власть, а сама превратилась в нее. По его мнению, монополия партии уничтожает саму партию, с одной стороны, превращая ее в советскую бюрократию, а с другой, привнося в нее всю сумму социальных противоречий⁷⁶. Н.Н. Алексеев, пристально изучавший советское законодательство, приходит к выводу, что основное противоречие в РСФСР это противоречие между правительством неофициальным (коммунистической партией) и официальной государственной властью⁷⁷. Н.С. Тимашев относит СССР к типу государств «с раздвоенной властью, с властью, распадающейся на две системы, из коей одной принадлежат все почести, обычно с властью связываемые, а другой все то реальное, что дается властью»: «формально правит так называемая «советская власть», то есть власть, по идее базирующаяся на представительстве «трудящихся», но которая, по существу, находится в полном подчинении у своеобразной социальной организации, именуемой коммунистической партией»⁷⁸.

Некоторые эмигранты, рассуждая о советской диктатуре, шли дальше. Так, в одной из статей сборника «Борьба за Россию» читаем, что в России господствует диктатура, но это не диктатура класса или классов, и даже не диктатура партии, хотя бы потому, что подлинной,

⁷² Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф. 7035, оп. 1 д. 6, л. 26.

⁷³ См. подробнее: ГАРФ. Ф. 6215, оп. 1, д. 6, л. 1; Ф. 5680, оп. 1, д. 23, л. 47; Бонч. Как и для чего большевики уничтожили суд. [Б. м.], 1919. 8 с.

⁷⁴ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. С. 164.

⁷⁵ См. например: ГАРФ. Ф. 6215, оп. 1, д. 6, л. 8.

⁷⁶ Иванович Ст. ВКП. 10 лет коммунистической монополии. С. 5-37.

⁷⁷ Алексеев Н.Н. Советский федерализм. С. 240.

⁷⁸ Тимашев Н.С. Проблема национального права в Советской России // Современные записки. 1926. № 29. С. 394.

идейно связывающей людей партии нет, - в СССР единоличная диктатура⁷⁹, которая действительно начала зарождаться в конце 1920-х. Но уже тогда впервые возникает мысль о том, что советская власть явилась цементом, склеивающим русскую государственность⁸⁰.

Надо сказать, что некоторые слои русского зарубежья достаточно спокойно воспринимали советский принцип управления государством (советизм, власть Советов), не имели ничего против него, считали, что он призван стать «потенцированным воплощением, кульминационным пунктом демократизма», новым улучшенным вариантом демократизма буржуазного. Однако на деле, констатировали они, он явился карикатурой и надругательством над ним, основные его принципы были искажены, все атрибуты народовластия отменены. Формально некоторые из них сохраняются в законодательстве, но реально не соблюдаются или не могут соблюдаться, например, замена выборов назначением, невозможность ряда категорий участвовать в выборах⁸¹.

Со многими положениями, выдвигавшимися эмиграцией, был не согласен лидер партии народных социалистов А.В. Пешехонов. Главной заслугой большевиков он считал восстановление русской государственности. Второй задачей, решенной ими, он называет восстановление государственного аппарата управления, который, несмотря на все его несовершенства, справляется со своими задачами. Говоря о государственном строительстве, не упускает он и

такой важный момент как восприятие и послушание народа государственной власти. И здесь также отдает должное умению большевиков. Его устраивала форма, но не содержание. Он отмечал, что в РСФСР существует расхождение между словом и делом, советским законодательством и реалиями жизни. Пешехонов писал, что с формальной точки зрения, правление в РСФСР – демократическое, фактически же – все структуры власти, в том числе и Советы, являются декорацией, техническим аппаратом, торжествует диктатура Коммунистической партии, и прежде всего ее Политбюро, которые держатся исключительно благодаря жандармским методам⁸².

По большинству перечисленных ранее тезисов с ним были согласны такие общественно-политические деятели, как Е. Кукова, В. Станкевич. М. Осоргин, а также члены парижской группы партии конституционных демократов, признавшие «новую тактику» П.Н. Милокова.

Представитель правого центра А.Ф. Керенский, а также группа правых эсеров во главе с Н.Д. Авксентьевым, напротив, считали, что большевики не сделали ничего положительного в деле восстановления российской государственности⁸³, отмечая, что то, что создали большевики, не является государственным аппаратом в понимании современного цивилизованного государства, это система насилия⁸⁴. К Сове-

⁷⁹ П.Я. Диктатура // Борьба за Россию. 1928. 28 января. № 62. С. 4-5.

⁸⁰ Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С. 81.

⁸¹ См. например: ГАРФ. Ф. 6215, оп. 1, д. 6, л. 11.

⁸² См.: Пешехонов А. Почему я не эмигрировал. Берлин, 1923; Что рассказывает А.В. Пешехонов // Сегодня. Рига, 1922. 10 октября.

⁸³ См. подробнее: Белова Е.И. Демократическая эмиграция о советской государственности // Зарубежная Россия. 1917-1939. Сб. ст. СПб., 2000. С. 40 - 46.

⁸⁴ См. например: Трагедия русской интеллигенции: прения по докладу Н.Д. Авксентьева // Последние новости. 1923. 20 июля; Вишняк М. На

там они относились как к придатку коммунистической партии⁸⁵.

На другой позиции стояли левые эсеры, говорившие о наличии государственной власти в РСФСР, но не ставившие этот факт в заслугу большевикам⁸⁶. Особый взгляд по вопросу советской государственности был у В.М. Чернова, который делал вывод, что, восстановив государственность такого типа, большевики сделали шаг назад к самодержавию⁸⁷. Надо сказать, что параллели с царской властью проводил не только он. Еще в 1919 г. «Голос России» писал о том, что комитеты уничтожены, а советское правительство возвращается к централизму, в ущерб местным властям. Отмечалось при этом и то, что назна-

чаемые во власть чиновники всех рангов страдают самодержавными замашками⁸⁸.

Можно сказать, что даже в эмигрантской среде радикально-демократического направления, не говоря уже о правой эмиграции, не принимавшей советскую власть ни в каком виде, к концу 1920-х гг. наметилось три подхода, три взгляда на советскую власть: эволюционное отношение; революционное, но одновременно борющееся с другими врагами коммунизма; революционное же, но не приемлющее борьбы на два фронта, а утверждающее идеи единого противобольшевистского фронта⁸⁹.

родине и на чужбине // Современные записки. Париж, 1925. № 26. С. 396.

⁸⁵ См.: Вишняк М. О «свободных советах» // Дни. Берлин. 1930. № 72. С. 10.

⁸⁶ См. подробнее: Белова. Е.И. Указ. соч.

⁸⁷ Чернов В.М. Исповедь навыворот // Воля России. 1923. Прага. 1923. № 13. С. 28.

⁸⁸ Отношение советской власти к солдатским комитетам // Голос России. 1919. 28 марта.

⁸⁹ Фомин В.Н., Фомин К.В. Российская эмиграция в Китае с 1920 и до окончания Великой Отечественной войны. М., 2005. С. 146.